

Владислав ШУРЫГИН. Сергей, твоя официальная трудовая биография начинается так: "...работал на заводе". Обычно, когда читаешь биографии современных журналистов, политологов, экспертов, то там всё иначе: спецшкола, МГУ, диссертации и далее по "треку успешности". Как получилось, что ты после школы вдруг оказался на заводе?

Сергей МИХЕЕВ. Честно говоря, я про личное не очень-то собирался говорить. Но если ты спрашиваешь, то отвечу. Я обычный московский парень, не из семьи академиков, не из семьи генералов. Из рабочего района. Отец — рабочий, электрик. Но родители развились, и нас с братом тянула одна мать. Она закончила вечерний и работала инженером на авиационном заводе, потом — в оборонном НИИ. В институт после школы я, к сожалению, не поступил и пошёл работать на завод "Изолятор", потому что семье просто нужны были деньги. И свои первые какие-то копейки я заработал там. Но это было очень недолго, всего несколько месяцев, пока мне не стукнуло восемнадцать. Потом была армия, срочная служба. После неё я работал в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского, там была кафедра ремонта боевой авиационной техники, и я там кое-чему подучился и затем трудился в научно-исследовательской лаборатории. А уже потом так жизнь сложилась, что поступил в университет. Мне уже двадцать семь было...

Владислав ШУРЫГИН. Неожиданный поворот. То есть, если бы после работы в Академии Жуковского ты пошёл в МАИ, было бы понятно — по теме работы... Но ты поступил на философский факультет МГУ. Почему?

Сергей МИХЕЕВ. Меня вообще с детства интересовали две вещи. Мне была очень интересна авиация. И меня всегда интересовала политика. Когда-то хотел поступить в МАИ, но не потянул. По собственной лени и безалаберности. Но потом вот как-то странно сложились, что не только работал в Академии Жуковского, но ещё и шесть лет занимался там дельтапланеризмом, ездил на сборы в Крым, летал как-то, строил дельтапланы.

Владислав ШУРЫГИН. Вот прямо своими руками?

Сергей МИХЕЕВ. Да. Тогда же вообще не было ничего, а в Академии Жуковского была дельтапланерная секция и кое-какая база: станки, оборудование, материалы. И мы с нуля строили дельтапланы. Я лично практически от начала до конца собрал один — полностью, своими руками. И помогал в строительстве ещё нескольких других. Но оттого ещё страшнее было летать. Лично я каких-то особых достижений добиться не стремился, что, скорее, было всё-таки временное хобби. Но там были весьма достойные люди — в основном офицеры Академии Жуковского, которые одержимо занимались этим в свободное время.

Владислав ШУРЫГИН. А что является целью дельтапланериста — летать дальше, летать на большей высоте?

Сергей МИХЕЕВ. Лично я охладел к этому, когда в какой-то момент понял, что это своего рода культ. Как у альпинистов: надо немножко сойти с ума, и тогда действительно смыслом жизни становятся острые ощущения — ещё адреналина, ещё полётов! Всё это становится собственной "самодельной религией". И мне стало скучно, понял, что смысл жизни не в этом. Но людей, с которыми я там общался, до сих пор помню и высоко ценю. Опыт преодоления себя тоже весьма ценен.

Владислав ШУРЫГИН. И когда последний раз ты поднимался в небо?

Сергей МИХЕЕВ. Это уже давно было. Я закончил с этим делом, как только у меня появились дети. У меня появился первый ребёнок, и как-то так всё само собой завершилось...

Владислав ШУРЫГИН. И что было потом?

Сергей МИХЕЕВ. А потом всё изменилось. Рухнул Советский Союз, всё стало разваливаться, зарплату стали задерживать месяцами, реально есть было нечего в какой-то момент. Мать на работе сократили, её "почтовый ящик" закрыли. Брат — ещё школьник. А так как у меня и так была копеечная зарплата, пришлось подрабатывать везде, где только можно. И в какой-то момент я понял, что нужно всё менять, потому что всё рассыпалось и перспективы стали какие-то совсем унылые. И я стал снова пробовать поступать в разные учебные заведения. С четвёртого раза поступил в МГУ на философский факультет, отделение политологии, кафедра мирового политического процесса. В 1994 году. И, собственно, началась

нёр, а вот национальные республики никогда её до конца не принимали. Поэтому никогда на Кавказе не было советской власти в полном объёме, никогда и в Средней Азии её не было. Её не удалось там установить. Всегда был упор на местное, национальное. И когда центральная власть ослабла, эта мина сепаратизма взорвалась. Русские мгновенно стали людьми второго сорта. "Чемодан — вокзал — Россия!" — был тогда модный лозунг. Сейчас уже многие забыли исход русских в начале девяностых из республик Средней Азии и Закавказья. А ведь этих беженцев были миллионы! Поэтому я очень ценю те достижения, которые в советский период действительно были, но я терпеть не могу приторные сказки про "дружную семью братских народов". Я считаю, что брать себе не надо ни в каком случае. Это неизбежно ведёт к проблемам.

Владислав ШУРЫГИН. Но, заметь, с другой стороны, сейчас всё с точностью до наоборот. Сегодня, когда большинство бывших советских республик погрузилось как бы в свои исторические "русла", то есть фактически оказались в средневековье, почитателей Советского Союза там стало огромное количество. Есть явная ностальгия по Советскому Союзу. Может быть, тогда они просто не понимали, что теряют?

Сергей МИХЕЕВ. Может. Но надо понимать, что "восточное лукавство" было, есть и будет. И, говоря о ностальгии по СССР, они не уточняют по какому СССР они ностальгируют. Поэтому хочется спросить: а в какой СССР они хотят вернуться? В тот, где все люди — братья и, значит, нужно делиться землёй, работой, властью с людьми других национальностей, или в тот Союз, который ни во что не лез и просто дотировал местные бюджеты так, что можно было

Сергей МИХЕЕВ

НЕБО И ПОЛИТИКА

Беседа журналиста Владислава ШУРЫГИНА с политологом Сергеем МИХЕЕВЫМ

другая жизнь. Она началась в 27 лет фактически с нуля, так как я сознательно пошёл на очную дневную форму обучения. В 1999-м я закончил. Параллельно с учёбой работал.

Владислав ШУРЫГИН. А в армию как попал?

Сергей МИХЕЕВ. По призыву: забрали — и привел. Тогда почти всех забирали. Я служил в стройбате. В подробности вдаваться не хочу, но тоже по своей вине туда залетел. Хотя перед этим по направлению военкомата закончил радиотехническую школу ДОСААФ. Служба проходила в Северо-Кавказском военном округе. Строили мы всё подряд. От всяких командных пунктов до жилых домов для военнослужащих.

Владислав ШУРЫГИН. Знаешь, кто почти в это время тоже служил в стройбате? Пётр Толстой.

Сергей МИХЕЕВ. Не знал. Интересно! Тогда он, конечно, понимал, о чём я сейчас рассказываю. Это, конечно, была не героическая служба, но и простой её не назовёшь. Для меня это были два очень тяжёлых года, честно скажу. Строительные части были особым миром. Туда попадало огромное количество людей, как сейчас бы сказали, неблагополучных. Тех, кто отсидел, тех, по ком тюрьма ещё только плакала. Там пыльным цветом цвела дедовщина, всякие "землячества". Короче, весь набор неуставных взаимоотношений. Но я, честно говоря, не хочу лить чернуху. Да, было очень трудно, но при всём при том, я считаю, что армейская школа мне была очень нужна, и армия меня закалила как мужчину. Я понял, что в жизни мужчины есть такое понятие — долг. Тяжело ли, плохо ли, нравится, не нравится, но есть долг — и ты должен его исполнить. Надо, и всё!

Владислав ШУРЫГИН. Ты упомянул дедовщину, "землячества"... А когда сам "дедом" стал, ты принял эти законы, смирился с ними?

Сергей МИХЕЕВ. Ты знаешь, я именно в армии стал впервые задумываться на религиозные темы. О Боге. О добре и зле. Я тогда понял, что добро и зло это не абстрактные понятия — они существуют физически и проявляются в людях. И там, в армии, я для себя сделал выбор, что пусть мне будет хуже, но я не стану на сторону зла. Я не стал "дедом" в том смысле, как это растолковывали тогдашние "понятия". Я просто дослужил свой срок. И я никогда об этом не пожалел, пусть это было и не очень комфортно. Вот я тогда для себя сделал главный моральный выбор, как мне кажется, на всю жизнь: я буду на этой стороне, а не на той. И в этом тоже был важный смысл — экстремальные ситуации заставляют делать выбор. И потом жить с этим.

Владислав ШУРЫГИН. С кем-то из сослуживцев поддерживаешь отношения?

Сергей МИХЕЕВ. Нет, не сложились, потому что московский там было очень мало, а все остальные живут далеко от Москвы. Кстати, у меня очень хорошие были друзья украинцы — киевляне в частности. Отличные ребята, вспоминаю их добрым словом до сих пор. Но, к сожалению, связь оборвалась практически сразу после распада Союза.

Владислав ШУРЫГИН. И как с ними было служить?

Сергей МИХЕЕВ. Отлично, вообще не было проблем. Кстати, сталкивался я там и с людьми с западной Украины, "западными", и они не особо скрывали нелюбовь к "москалям". Но они, надо сказать, и киевляне тогда тоже считали "москалями". Это было уже тогда. Это было в 85—87 годах, но уже тогда, в армии, я увидел те проблемы, которые через четыре года приведут СССР к распаду. Именно тогда я встретился впервые с очень агрессивными антирусскими настроениями и национализмом среднеазиатских и кавказцев. Проблемы во взаимоотношениях назревали, а их пытались закипывать внутрь, не замечать. Я считаю, что это была одна из родовых травм Советского Союза. Советский Союз, мне кажется, допустил массу концептуальных ошибок мировоззренческого плана. И одна из них — поддержание любой ценой легенды о дружбе народов и интернационализме. Русские эту идею приняли и поверили в

ничего не производить толком и жить припеваючи, строить новые дома и менять каждый год машины? К сожалению, почти всегда речь идёт о втором СССР — доноре и содержателе. Я думаю, что есть очень небольшое количество людей, которые действительно хранят в душе лучший образ Союза, но большинство, на самом деле, не задумывается над этим. И в большинстве этих республик всё равно продолжалось культивироваться внутренний национализм. Даже там, где русские общины всё ещё довольно велики.

Владислав ШУРЫГИН. Четверть века нашей новой истории мы прожили в диаметрально противоположном с точки зрения внешней безопасности времени. В начале 90-х главный лозунг был: "У нас нет врагов, нам не нужна армия!" В этот период армию разогнали, сократили в пять раз, военным не платили зарплаты, войска, которые выходили из Европы, выбрасывались в чистые поля. Потом по бывшему СССР прошла целая череда локальных войн. Приднестровье, Таджикистан, Абхазия... Потом война пришла к нам. Начались чеченские кампании, и оказалось, что без армии победить терроризм и бандитизм невозможно. После Чечни снова был целый период, когда об армии забыли. Возобновились попытки опять выстраивать отношения с Западом на равных, "дружить". Но в итоге мы пришли к тому, к чему пришли. Сегодня за спиной Крым, Донбасс и жёсткое противостояние если не со всем Западом, то, по крайней мере, с самой сильной страной — США. В рамках сегодняшнего неспокойного мира как ты оцениваешь роль армии, её место в обществе?

Сергей МИХЕЕВ. Что касается армии, у меня, по крайней мере, к моему пятидесяти одному году жизни, совершенно жёсткое убеждение (оно сложилось у меня давно), что армия должна быть одним из системообразующих стержней Российского государства. Для меня, как это ни пафосно звучит, великая Россия в этой, земной жизни, является главной целью и главным смыслом всего того, что надо вообще делать, всё остальное — это вторично. Про религиозные смыслы (я человек православный) я здесь говорить не буду — это касается меня лично. Я уверен, что государство для русских и для славян в целом, считающих себя русскими, является их формой реализации в историческом процессе. Поэтому для нас с точки зрения даже мировоззренческой, с точки зрения реализации себя в истории сильное государство является главным условием существования, выживания в этом историческом процессе. Так у нас сложилось. Правильно/неправильно — бессмысленно разговаривать, потому что у каждого народа есть своя история, свой уклад. Для нас — это так. В рамках этого армия обеспечивает внешний контур безопасности, то есть, грубо говоря, она обеспечивает выживание, иначе сам по себе исторический проект "Россия" распадётся, он будет уничтожен. И второе: она внутри создаёт тот стержень, который поддерживает, в том числе многие вертикальные структуры. И третье: с точки зрения символической для людей армия является защитницей нашего сподобия существования в истории, потому что без неё мы просто исчезнем. Поэтому я глубоко уверен в том, что у армии в российской истории, в Российском государстве — особое место.

Несомненно, армия должна быть институтом привилегированным, она должна пользоваться авторитетом, любовью и уважением у большинства населения. И, соответственно, отдавать народу то же самое — верное служение долгу. Пусть это звучит банально и несколько пафосно, но я уверен, что это так.

Владислав ШУРЫГИН. Но нас постоянно убеждают наши "партнёры" в США и на Западе в том, что мир изменился, что никакой угрозы для России извне нет, что мы её сами выдукали...

Сергей МИХЕЕВ. Смешно! Ни о каком таком новом мире, в котором вдруг не станет врагов, речи сегодня не идёт. Всё это блеф. В лучшем случае — это опасные иллюзии и выдумки, в худшем — откровенная провокация, вредительство и проишки врагов. Была, есть и будет, к сожалению, объективная разность интересов нашего государства и многих других государств в этом мире, а значит, была, есть и будет объективная внешняя угроза нашим границам. И, ко всему прочему,

сейчас ещё к этому добавились угрозы гибридного плана: типа террора, попыток расшатать государство изнутри с помощью "оранжевых" и прочих революций. Поэтому, даже условия физического выживания вынуждают нас иметь сильную военную инфраструктуру. По-другому — не получится.

Владислав ШУРЫГИН. Есть ли у тебя исторические персонажи, которых ты считаешь для себя примером, чья судьба тебя "цепляла", кто оказал на тебя влияние?

Сергей МИХЕЕВ. Чтобы совсем примером для жизни — таких нет, но есть, конечно, люди в истории, перед кем я преклоняюсь и кого я глубоко уважаю. Если про армию говорить, то это Александр Васильевич Суворов в первую очередь. Для меня он реально герой. Герой — во всех смыслах: и как полководец, и как человек, у которого был внутренний нравственный стержень. Он верил в Бога, и, что для меня важно, этой вере оставался предан, как ни странно, и в военном деле. Был человечен, никогда не проливал кровь людей зря. Ну а далее — весь тот ряд, который обычно озвучивается: это и наши святые князья Невский и Донской, это, несомненно, вся плеяда военачальников 1812 года и, конечно, Великой Отечественной войны — Жуков, Рокоссовский... То есть здесь я не оригинален, ничего такого особенного придумать не могу, но если говорить по душе, что ближе, то ближе Суворов.

Владислав ШУРЫГИН. А есть какой-то подвиг, который ты чтить за высшую доблесть?

Сергей МИХЕЕВ. Знаешь, меня религиозное отношение к жизни серьёзно "переполатило". Если бы в детстве ты меня спросил, я бы тогда, наверно, сказал про Матросова или Гастелло. Так бы и было. Но по ходу жизни я понял, что самый большой подвиг — это просто быть порядочным человеком, который не отступает от своих принципов. На самом деле, это гораздо сложнее, чем просто взять и проявить мужество, что-то совершить. Это никак не умаляет эти подвиги, но сделать что-то такое, на мой взгляд, легче, чем стараться на протяжении долгого времени соответствовать тем принципам, которые ты заявляешь. Это гораздо сложнее.

Владислав ШУРЫГИН. Помнишь фильм Ларисы Шепитко "Восхождение"? В какой-то степени он — об этом же.

Сергей МИХЕЕВ. Да. "Восхождение", кстати, потрясающий фильм, он меня потряс ещё тогда, когда я был мальчиком. Я потом только понял все аллюзии на христианские темы, потому что они там очевидны: предательство, самопожертвование и прочее. Никого не хочу обидеть, но бывает так, что просто ринуться в драку проще, чем не предавать, не изменить принципы, следовать добру, несмотря ни на что, на протяжении многих лет.

Владислав ШУРЫГИН. Мы сегодня живём в достаточно стабильной и спокойной России, мэр Собянин превратил Москву в "игрушку": кругом парки, аттракционы, изобилие для тех, у кого есть деньги. Но помнишь, как в фильме "Москва слезам не верит" говорилось: "Международная обстановка беспокоит". Насколько ты видишь угрозу в том, что происходит вокруг нас сегодня?

Сергей МИХЕЕВ. Я считаю, что тучи сгущаются. Мне тоже, знаешь, трудно поверить в ядерную войну с США, потому что они всё-таки должны понимать, что это чревато самоуничтожением, а для них — это полный крах. Вообще любая война на территории США или Европы — это для них полный крах, потому что их концепция — бесконечный рост благосостояния, постоянное повышение комфорта. А если вдруг война, если вдруг смерть и разрушения, если вдруг страдания — то это всё начинает рассыпаться. Но я думаю, что чем дальше, тем больше они будут давить на нас, чем дальше, тем больше мы будем сталкиваться с военными провокациями, причём даже, может быть, очень масштабными. И, несомненно, нас будут подвигать к прямому военному конфликту. Не с США, нет. Скорее с кем-то из наших соседей. С теми же украинцами, которых США сейчас ускоренно готовят на роль "пушечного мяса". Поэтому актуальность обороны, она, мне кажется, только возрастает. Это первое.

А второе: в современном мире становится всё более актуальным, но от этого не менее подлым, то, что называют "информационным оружием" — набором технологий для дестабилизации ситуации внутри страны. В этом смысле наши противники будут играть и на объективных трудностях, которые есть, и на субъективных проблемах управления, которых тоже немало. Потому что, мне кажется, у нас с адекватным системным управлением до сих пор проблемы. Компромиссной и работающей эффективной модели экономики нет. Я не являюсь сторонником социализма, но я глубоко уверен, что нужна компромиссная конвергентная система экономики для России. Для её масштабов, для её территории, для её инфраструктуры нужна конвергентная система, при которой роль государства будет главенствующей, при всём при том, что частный бизнес в определённых отраслях, несомненно, нужен, он всё равно должен встраиваться в общую стратегию развития. И государство должно иметь возможность это регулировать.

Потому что в той тяжёлой внешней ситуации, которая есть, и в той ситуации огромных контрастов, инфраструктуры и прочего — по-другому ничего не получится. И с этой точки зрения меня, конечно, тревожит попытка "либерального ренессанса" и в социально-экономической политике, и в идеологии, которая сегодня разрушает не только "путинское большинство", но и "выносит мозги" огромному количеству молодёжи, делая из неё потенциальных действующих лиц на улице. И наши враги рассматривают это как один из главных видов оружия, может, ещё и усиление любого другого.

Владислав ШУРЫГИН. Скажи мне, кем ты себя считаешь: ты всё-таки журналист или ты политолог, или ты эксперт? Кто ты для самого себя?

Сергей МИХЕЕВ. Знаешь, это очень сложный вопрос. Потому что по образованию я политолог, и по основному виду деятельности — политолог, политтехнолог, но в последние годы занят в публичной сфере. И если раньше много лет я занимался непубличными проектами, в первую очередь в сфере политтехнологии, то сейчас я больше на экране, на радио. Поэтому я затрудняюсь дать себе точное определение, но мне хотелось бы (независимо от того, чем я занимаюсь) оставаться патриотом своей страны. Мне хочется, чтобы моя деятельность была полезной людям и стране, — вот это главное. А как это будет называться: политолог, политтехнолог или слесарь, — это уже вторично.

ВЛАСТИТЕЛЬ РУСИ

Древний мудрец Ходжа Насреддин сказал:
У Властителя Руси нынче Два Путь...
Или — Голгофский Путь царя-мученика Николая II...
Или — имперский победный путь Генералиссимуса Сталина...

Какой Путь Он выберет...
Народ ждёт... уповает...
Но что-то долго Он выбирает...
Да поможет ему Господь....

Но!..

Но Плотина олигархов смертельно удушила... перегородила Тысячелетнюю Священную Реку Русской Истории...
И Река бешено копит и бушует у стен гиблой Плотины...

О, Боже!..

Ужель не ясно — что делать?...
Ужель не ясно, что надо убирать Плотину...
Иначе Река потопит всех...

Правитель, брат, что медлишь?...
Иль ты тоже — Плотина...
Иль хочешь захлебнуться в Водах Великих Справедливых...

ПОЛИТТЕХНОЛОГИ

Мудрец сказал:
— Политтехнолог — служитель лжи...
Жрецы словоблудия...
Жуэные фарисеи нашего теплохладного времени...

О, Господь...

Когда они неизбежно попадают в ад, они и в аду упорно доказывают обитателям ада, что те живут... блаженствуют в Раю...

О, Боже!..

— Где их блудливые языки?...
— В языках адского огня...

ИНТЕРНЕТ

Мудрец упыбнулся:
— Я много сказал об Интернете...
Но вот ещё несколько слов:
Интернет — это Отец несметных вселенских блудных сынов-сирот,
которые рыщут по всему миру, забыв о родном доме...
О родном народе... о родном языке...
Поистине, заблудшие засохшие мухи в Мировой Паутине...

...Интернет — страна воспоминаний...
Здесь должны бродить хладные старцы,
а не молодые пылкие отроки,
которые должны бродить по живой земле...

...Земля — это океан... Интернет — это лужайка...

Брат!..
И что же ты бредёшь по луже...
А думаешь, что плывёшь в океане...

КИНЕМАТОГРАФ

Мудрец сказал:
— Что такое искусство?..
Искусство — это Исполведь одинокой души, взыскующей Бога...
Оно рождается в тиши, как золотая форель в хрустальной воде...
Оно рождается наедине с бумагой... холстом... нотами...мрамором... металлом...

Кинематограф — это паразитарное...
завмное...ворованное ремесло, в котором режиссёр использует чужое искусство,
как цыган унанного коня...
Например : музыку Баха... стихи Данте... прозу Толстого...
Это "во чужом пиру похмелье" ... гульба за чужой счёт...пляска на чужих костях...
Поэтому кинематограф — вампир как быстро устареваает... тускнеет...выцветает, как старые фотографии...
Высыхает, как дождь на летнем асфальте...

Воистину!..

Только такой великий мастер, как Чарли Чаплин, смог ремесло превратить в искусство...
Потому что он соединил в себе писателя, композитора, художника, артиста и режиссёра...
Он был одиноким гением призрачного кинематографа!..

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

ГОНДУРАС БЕСПОКОИТ

Орды «беженцев» движутся к границе США

канские неправительственные организации?". Фамилия венгерского миллиардера, обожавшего спонсировать всякие тёмные истории, всплывает часто и почти всегда не к месту, однако вопрос о том, кто же стоит за организацией и логистическим обслуживанием такого грандиозного похода, остаётся открытым.

19 октября караван достиг границы Гватемалы и Мексики, посещавшей американцам не пускать нелегалов к себе. Происходящее на границе очень напоминало то, что регулярно происходило на рубеже Испании и Гибралтара: сотни человек лезут через забор, а пограничники бездействуют, хотя формально имеют все возможности и права противостоять этой интервенции. Некоторые сообщения, однако, говорят о бросании "беженцами" камней в мексиканских силовиков и об ответе мексиканцев в виде слезоточивого

газа и резиновых пуль. Президент Мексики заявил, что незаконно и насильственным попыткам проникнуть на территорию страны будет дан отпор. Удивляет то, как старательно централианоамериканские политики обходят тему формирования и обслуживания каравана, словно подобные случаи в их краях — не редкость. Даже местные СМИ, прекрасно понимающие специфику жизни в Центральной Америке, упорно продолжают называть людей из каравана "беженцами", хотя ни войны, ни голода в Гондурасе нет.

Согласно международной конвенции о статусе беженцев свобода передвижения их ограничена первой же безопасной страной на пути их следования. То есть сирийские беженцы не могут свободно пересекать границы, скажем, Турции. В случае с караваном из Гондураса вообще не вполне понятно, от чего бегут в

США тысячи человек, но даже если бы город Тегусигальпа, столица этой страны, подвергался бомбардировкам, путь за границы Гватемалы для бегущих от войны был бы закрыт. Здесь же относительно тихая обстановка в Центральной Америке и отчаянная нужда американских демократов в драме с политическим подтекстом снимают все вопросы о внешнем планировании этой акции, задействовавшей десятки тысяч человек как болванчиков для обливания грязью одного-единственного. Этот человек, живущий в Белом доме, уже заявил, что не допустит проникновения толпы нелегалов на территорию США, а против любой страны, способствующей проходу "беженцев" через свою землю, будут введены санкции. Госсекретарь США Майк Помпео увидел в происходящем призраки внутренней борьбы в Гондурасе, а

ряд руководителей приграничных штатов заявил, что существует план послать войска для защиты границы. Тем не менее у беженцев появился вполне ожидаемый союзник внутри США.

Те самые журналисты, что, как стервятники, следуют за караваном голодных и нищих гондурасцев, выискивая наиболее трогательные кадры, навондили крупнейшие американские СМИ слезоточивыми кадрами перепачканных дитяшек, женщин в грязных платках и измождённых мужчин со стеклянными глазами. Рассказы про страшные бедствия, от которых бегут эти люди из своего дома, имеют своим выводом лишь один вопрос: почему мы их не принимаем? Как во всех медиа-кампаниях последнего времени, в идеально выверенной кооперации с журналистами выступили телезвёзды, киноактёры, певцы и спортсмены. Обращаясь к американцам, они утверждают: вам повезло родиться в развитой стране, а им — нет, значит, ваш долг — помочь им!

Такой нарратив едва ли навредит демократам больше, чем недавнее безумие, охватившее либералов после назначения судьей Верховного суда США консерватора Бретта Кавано, однако и ощутимого числа новых сторонников не добавит.

Дело в том, что традиционный американский взгляд на жизнь вообще не предполагает влияния такой вещи, как везение. Консервативные жители глубинки убеждены, что каждый день спокойной и сытой жизни человека — результат труда не только этого человека, но и многих поколений его предков. Именно поэтому попытки внушения гуманистического долга в отношении совершенно чужих людей не очень эффективны в отношении большинства республиканцев, живущих вдали от крупных городов и составляющих большую часть населения страны.

История с караваном едва ли сместит баланс сил в пользу демократов, а лишь даст им очередной повод возмущаться по поводу надуманных недостатков президента. Тысячам же человек, входивших в этот караван, придётся возвращаться в Гондурас и пытаться строить там лучшую жизнь для себя и своих потомков. Тем не менее в этой истории ещё не поставлена точка. И развязка, уготованная организатором этого жестокого шоу, может достичь своей цели — уронить престиж правительства в глазах американцев.

Илья ТИТОВ